

УДК 821.161

ББК 84 (2Рос=Рус)6

Б.Н. Панеш**ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
КАТАСТРОФЫ
(РОМАН Л. ЗУРОВА
«ПОЛЕ»)**

Статья посвящена исследованию художественного мира писателя первой волны русской эмиграции Л. Зурова (на примере романа «Поле»), в котором особенно значима тема человека, оказавшегося в гуще исторических событий эпохи. Революция и гражданская война меняют его представления о жизни, была основа ее разрушена. Но человек чувствует прочную связь с родной землей и верит в божий промысел, что в конечном итоге дает ему силы противостоять хаосу и смерти.

Ключевые слова: *литература эмиграции, Зуров, историческая катастрофа, Россия, родная земля, поле.*

Панеш Бэла Нальбиевна – аспирант кафедры русской литературы факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8-908-509-86-79
E-mail: surikatushka@rambler.ru

Литература эмиграции продолжает открывать новые имена. Исследователи все чаще обращаются к писателям так называемого «второго эшелона», пытаясь вернуть русской литературе всех, кто незаслуженно оказался забыт или попросту не прочитан. По справедливому замечанию И. Белобровцевой, сегодня мы переживаем первую эмиграцию: вспоминаем, издаем, читаем [Белобровцева, 2005, с. 52–60.].

Леонид Федорович Зуров – писатель первой волны, о котором ранее вспоминали лишь тогда, когда речь заходила о Бунине. Причина этого в том, что Зуров прожил в доме Буниных за границей много лет – с 1929 и до смерти Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Он же потом унаследовал архив классика. Писатель, критик и краевед, Леонид Зуров прожил сложную жизнь. Он рано осиротел, в молодости служил добровольцем Северо-Западной армии, был дважды ранен и дважды перенес тиф (последствия которого сказались много позже на его душевном здоровье), зарабатывал на кусок хлеба тяжелым трудом – работал грузчиком, водолазом, репетитором, маляром, секретарем журнала. Но были и относительно благоприятные времена в биографии писателя – какое-то время его без препятствий публиковали, он возглавлял союз молодых писателей в Париже, активно участвовал в литературной жизни. В эмигрантской среде многие его считали всего лишь «учеником гения», однако были и те, кто разглядел в нем подлинный талант, собственный стиль

и художественную манеру (И.А. Бунин, И.С. Шмелев, М.Л. Слоним, Г.В. Адамович, П.А. Сорокин).

Творчество Леонида Зурова представляется сегодня актуальным не только потому, что идет изучение «фоновой застройки» [Белобровцева, 2006, с. 180 – 189] (еще один термин, характеризующий писателей, не вошедших в первый литературный ряд), но и потому, что частный писательский опыт Л. Зурова на фоне драматических культурно-исторических событий эпохи по-своему уникален. Будучи эмигрантом, «которого нельзя назвать эмигрантом» [Там же], Зуров писал исключительно о России. Связь с родной землей он никогда не терял – об этом не раз писала эмигрантская критика. Так, Г. Адамович называл Зурова одним из самых «почвенных» писателей поколения: «У него крепче, чем у кого бы то ни было, скрытая, не идущая на убыль связь с родной землей. Он живет во Франции, как мог бы по прихоти судьбы жить на Антильских островах, – мало ли что в наши дни случается! Но сознанием и даже вниманием он в России, и оттого выносливее своих сверстников, что никакие сквозные ветры на него ниоткуда не дуют» [Адамович].

В последнее время стали появляться крупные литературоведческие исследования, посвященные творчеству Л. Зурова. К ним относятся статьи А.Громовой, В. Захаровой, И. Белобровцевой. Несмотря на то что творческое наследие писателя не столь велико, оно представляет многообразный материал для исследования.

Роман «Поле» – последнее крупное завершенное произведение писателя. Вместе с романом «Древний путь» оно образует своего рода дилогию. В нем нашли отражение главные темы социально-философских рассуждений Зурова, его «проклятые» вопросы: как повлияли на Россию революция и гражданская война, каким вышел русский человек из предложенных веком катастроф.

В романе перед нами предстает история героев, оказавшихся на Псковщине в роковые для страны дни. Каждый из них по-своему определяет «новый мир» и свое место в нем. В. Захарова в работе, посвященной роману «Древний путь», отмечает следующие особенности сюжета и композиции произведения: «Сюжет романа не имеет присущего классическому роману действия. Деление героев на главных и второстепенных весьма относительно. Композиция состоит из кумулятивной цепочки главок-эпизодов, не связанных между собой причинно-следственной связью. Происходит череда событий с разными героями произведения» [Захарова, с. 97]. Подобную характеристику, по нашему мнению, можно отнести и к роману «Поле». Наблюдая за отдельными фрагментами жизни 15-летнего Сережи Львова, читатель в то же время становится свидетелем бегства семьи Даниловых, вторгается в быт матери и бабушки Сережи, видит «финал» истории Назимова – добровольца Первой мировой войны, участника революционных событий. Старушка, пасущая овец на дороге, Емельян с женой, старик Данилов, маленькая Ванда – еще одни частные «фрагменты» эпохи, которые раскрывают свою судьбу на страницах романа. Безымянные персонажи также органично

вплетаются в повествование – похожие друг на друга солдаты, у каждого из которых было «свое лицо перед смертью» [Зуров, с. 314], лихие красноармейцы, матери и жены, провожающие мужчин на фронт, босые нищие с мешками у собора, большоголовый сорокалетний, всегда счастливый дурачок – все они неотъемлемые «составляющие» зуровской России.

Исследуя жизни своих героев, автор пытается осознать, какой стала «новая» страна. Так, юный Сережа, переживший войну, «не успев подумать», теперь вспоминает тревогу тех дней, уходящие на фронт эшелоны, дикий женский плач: *«Была тревога и в небе, и на солнце <...> новобранцев брали не на войну, а на смерть <...> и матери оплакивали их при жизни, целуя, глядя их лица, обнимая, падая замертво»* [Зуров, с. 312]. Запомнил он и слова польской гимназистки Ванды: *«Мы не можем жить, как наши матери и отцы. Они пытаются жить так, как будто тот мир, их мир, еще существует. А мы его уже потеряли»*. Разрушилось нечто важное, и новое поколение это понимает – *«Мне иногда кажется, – продолжает Ванда, – что все незаметно тронулось, неслышно пошло со старого нажитого места»* [с. 398]. Сережа уже твердо знает, что впереди суровая и тяжелая жизнь, которую надо принять.

Связь с прошлым разрывают и старшие – Анастасия Михайловна, бабушка Сережи, ясно поняла, что уже не так важен построенный дедом дом, рассчитанный на долгие годы, заложенный им же яблоневый сад – *«все уходило – старый обычай, умение жить <...> На ее глазах изменилось лицо человека»* [с. 324]. Мать Сережи, Ольга Николаевна, твердо для себя решила, что осенью навсегда оставит усадьбу – *«не было больше желаний и сил <...> она чувствовала, что здесь она уже не хозяйка, что только временно живет здесь, в отцовском доме, стоящем одиноким гнездом среди крестьянских полей»* [с. 410]. Старик Ермолай делится с Сережей соображениями: *«Раньше иначе жили <...> теперь все врозь потекли. Покуль кучей жили, перенесли все времена <...> А теперь, слышь, пошли свой на своего, там пошла в степях на Дону кровавая драка»* [с. 327].

В перевернутом с ног на голову мире происходит подмена ценностей. Новоиспеченные красноармейцы заменили настоящую жизнь – работу на земле, домашний уют – бутафорией, «недолгим праздником»: *«пройтись по улице с девкой, в снятых с убитого офицера галифе, поспать с нею, взять двойную порцию на обед, а вечером выпить с ребятами дурной самогонки <...> и стоять с больной от хмеля головой у входа в совет или материться у новой тюрьмы, отгоняя от ворот жен арестантов»* [с. 361]. Эти же люди будут преследовать братьев Даниловых, унижать и добивать раненого Ермолая: *«Он думал о них только одно – исполнилось число звериное, мучает зверь человека»* [с. 357].

Позиция автора однозначна – исторический перелом не несет в себе ничего созидательного, он лишь опустошает, выжигает все. Только некоторым удастся сохранить в себе веру в непреложные понятия: землю, бога, дом, природу. Особо в данном случае следует выделить образ поля – само название романа предполагает пристальное внимание чи-

тателя к этому топосу. Поле в романе – это особое пространство, тайну которого пытается постичь Сережа.

В. Захарова, анализируя роман «Древний путь», определяет понятие, давшее ему название, как мифологему. На наш взгляд, «поле» в одноименном романе также является мифологемой, в которой можно выделить несколько смысловых центров.

С одной стороны, это место тяжелого крестьянского труда – только оно и кормит, а потому не дает возможности покинуть его, забыться переживаниями: *«А поле ждет, перезревая под солнцем»; «и потом, работая близ железнодорожной насыпи в поле, разгибаясь, <...> она (проводившая на фронт мать или жена. – Б.П.) видит – вагоны, вагоны, а в них солдатские головы. Слезы обжигают глаза, жгут щеки, и, снова сгибаясь, она вяжет снопы, кладет их на жнивье <...> Над лбом повязан белый платок – темное в морщинах лицо, глаза заплаканы, но покорны – постаревшее в горе лицо, а руки послушно вьют жгуты из соломы <...>»* [с. 316].

С другой стороны, поле – идольское место, оно живое воплощение земли, которая хранит в себе память предков и бесконечную печаль мира. В сознании Сережи оно неразрывно связано со смертью отца: *«И снова поле, напряженное чувство слуха, вверху дрожат телефонные провода. И думы об отце, как он умер, на западе летним вечером в поле, там, где над сумерками матерински-теплого поля распростерт пронизанный желтизной католический церковный закат <...> там место отхода души, предельная чистота высоких небес»* [с. 319]. Также в одной из глав романа описаны мысли Сережи в тот момент, когда он приходит к озеру на курганы. Когда-то рыбаки сеяли в этом месте рожь, позже они стали местами первых сожжений, а теперь из песков *«с каждой весной все больше выходили мертвые кости <...> славянские черепа»* [с. 332]. Держа в руках черепки, Сережа понимал основу жизни, осознавал свою родовую принадлежность: *«И странное очарование таилось здесь, в открывшем давнее погребальное поле <...> Кругом жила прелесть, притяжение славянских мест, древнего, теплого, обжитого места, и память <...> о родственной человеческой жизни, изменившейся за века и века, казалось, оживала перед ним <...> Все запомнила кровь и <...> открывала в минуту потери себя»* [с. 333]. Таким образом, в романе актуализируется тема родовой памяти, которая открывает древние пласты родной земли. Сережа постигает открывающиеся ему смыслы – складывает в уме «картинки» увиденного: узор на древних осколках черепков, узор на спине гадюки, которую он видел утром в бору, и обыкновенный крестьянский горшок, в котором жена Емельяна приносила ему молоко. Выходит, они имеют нечто общее – трудно уловимое, но такое понятное и родное: *«в узоре, нанесенном на черепки рукою человека, <...> жило то теплое, родственное через века, связанное путем, кровью и очагами <...> Та жизнь была здесь, как и огненное наследство, от которого тепла печь в избе Емельяна»* [с. 335].

Так, поле становится онтологическим домом русского человека – в нем рождается и умирает дух. Оно «матерински теплое», «родное», где

из поколения в поколение обретают покой славянские души. В данном случае представляется возможным говорить об архетипическом осмыслении образа.

Отдельно, на наш взгляд, стоит сказать о символике романа, где особое место отведено образу солнца. «Солнце» в произведении – важнейший элемент авторского сознания. Он «пронизывает» текст целиком. В структуре образа-символа заложены взаимоисключающие оппозиции «жизни» и «смерти».

«Весеннее», «чистое», «прозрачное» солнце – это символ мира, надежды: *«Средь морозных дней, ближе к весне, придет изумительно ясный, солнечный день с зеленоватым небом над белыми снегами»* [с. 323]. Для ушедших от преследования Ермолая и Анны Клементьевны солнце – спасительный знак: *«А потом дождь перестал. <...> очистилось небо и в нем возникали освещенные уходящим солнцем белые облака, – какая-то теплая, блаженная обитель, где проходит все – и усталость, и холод, и боли, и скорбь»* [с. 385].

«Смертельное», «выжигающее» «грубое» солнце несет за собой гибель и пустоту. Так, в мыслях Назимова солнце – символ разрушения, оно же свидетель страшной трагедии мира и человека: *«Там воздух новой и страшной, опустошенной в этот час солнцем России, революционного Петрограда <...> там заметным опустошением царит та, единственная на земле смертная скука исполнившейся революции, что давно перешла грань, что в смертях и разрушении переживает себя»; «Боже, как сильно в полуденном солнце он видел перед собой эту войну <...> и она была страшнее старой войны <...> эта пылала черным огнем, и ему казалось, в этот полдень она его опалила»; «солнце гражданской войны <...> отражает пыль белой дороги, горячо истекает жаром земля, и под солнцем идет добровольческая колонна»* [с. 362].

Солнечный жар усиливает страдания человека, испепеляет жизнь и не дает одуматься – *«странно, чем сильнее зной, чем быстрее человеческое разложение, тем сильнее и братоубийственное протекает война»* [с. 363]. Здесь, безусловно, угадывается связь с эпопеей И. Шмелева «Солнце мертвых», в которой художественное осмысление исторических реалий напрямую связано с образом солнца.

Важно отметить, что в романе «Поле» образ солнца связан и с мотивом незавершенности мира, это ощущение не дает покоя Сереже: *«Мир казался не тем, все в нем казалось смещенным. Времени не было, временем стало солнце, а оно светлело, поднимаясь сильнее, и к полудню радужный, наполненный полетом и ветром круг достиг своего полного блеска <...> Все жило, все излучалось в дрожащем колебании текущих вверх струй, общем дыхании великой земли, и не было в мире ничего законченного, все переходило, менялось <...>»* [с. 331].

Осознание гармонии мироздания, которое дарит герою родная земля, позволяет отодвинуть историческую катастрофу на второй план – онтологический размах писательской мысли переключает внимание на то, что действительно важно.

На вышеизложенную идею «работает» и довлеющее в книге лирическое начало. Несмотря на жестокость и смерть, которые теперь неизменно присутствуют в мире, нарушение естественного хода истории и разрушение патриархального уклада, писатель утверждает идею жизни: *«Весна вступала в лето, за городом у реки уже сухо колосилась рожь <...> И смерти не было. Все радовалось и цвело, все горело и переливалось в вечном солнце – и пенье птиц, и играющая под ветром листва, и исходящие горячим дыханием дали <...> Смерти не было. Была лишь оживающая вечно земля, согрета солнцем, в которой все исчезало, на которой, рождаясь, все снова жило, в вечно обновляющемся божественном круге, поднимающем от морей облака»* [с. 402]. Об этом же свидетельствует итог свадьбы в Забровье – жениха и невесту все же успели обвенчать, несмотря на трагические события, а значит – жизнь продолжается.

Как будут жить дальше герои «Поля», мы не знаем. На sacramентальный вопрос Сережи: *«А что же ты думаешь, дедушка, будет?»*, ответ Емельяна прост: *«А, милый, не знаю <...> Есть Бог над нами! <...> нам Божьего дела не знать. Умрет все осенью, все побелело, а стала весна, распрыснулась, запушилась верба, полетела пчела добывать. Все Божие производство. Умрешь – слава Богу. У него все полно»*; *«Миленький, ты в Бога верь»* [с. 328].

Л. Зуров был религиозным человеком, потому историческая катастрофа осознается им как испытание, которое дано свыше, это «вечный путь скорбей человеческих» [Захарова, с. 97]. Не случайно Назимов, для которого прошлая жизнь навсегда перечеркнута войной и потерями, готовится к новому пути: *«Когда же это началось, когда все стало спадать, обнажая истинное лицо, то, что родилось для него на третий год войны <...> когда он принял все от своего кончающегося рода, и ему, последнему не нужна была земля, дом <...> Теперь он, вышедший из старого, уже мысленно оставивший дом, в заплатанных сапогах, в бедном, грубом, солдатском, готовый к пути стоял над рекой, принимая свою судьбу»* [с. 365].

Александр Назимов и Сережа Львов не боятся смерти, потому что для них ее просто нет, есть лишь ощущение безвременья, которое дарует земля, русское поле – оно примет тебя, как и сотни тысяч других, погибших на ней и за нее: *«Тогда перед лицом возможной потери жизни, в душе происходило какое-то радостное очищение <...> и то единственное, пробуждающееся в человеке, смотревшее на жизнь и на мир смертными глазами, но чувствовавшее себя бессмертным, вечным <...> обещавшее жить, когда тело умрет, будет лежать за проволокой в темнеющем поле»* [с. 412].

Выходит, права была польская гимназистка, которая незадолго до собственной смерти призналась Сереже: *«Нас связывает одиночество и сиротство <...> мы живем одним днем, как и те, что готовятся к смерти <...>, особенно остро чувствуя этот ветер, и свет зари, и сладкий запах земли <...> Мы умеем прощаться, знаю, что умеем легко умирать. Словно нас кто-то приготовил ко всему и дал нам особые радости, особое горькое счастье»* [с. 398].

Таким образом, человек эпохи исторического перелома в романе Зурова «Поле» живет с новым пониманием мира – потеря былой основы изменила его, но в нем прочно укоренена вера в божий промысел и родную землю, которая и дает силы противостоять хаосу и смерти. Кажется, что Россия пройдет очередной крестный путь силами стойких духов «детей», готовых на многое ради великой земли – *«И надо было от всего отказаться, – размышляет Сережа, – все оставить, все отдать. За все. За радость жизни на этой земле, за родную, вскормившую сердце материнскую землю»* [с. 321].

Литература

Адамович Г. // Последние новости. 1937. 16 декабря URL: <http://www.emigrantika.ru/bib/403-rom>

Белобровцева И. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Звезда. СПб., 2005. № 8.

Белобровцева И. Леонид Зуров – писатель-эмигрант, которого нельзя назвать «эмигрантским писателем» // «В рассеянии сущие...»: культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 15 – 16 февраля 2005): сб. докл. М., 2006.

Захарова В. Субстанциальный конфликт как основа сюжета в прозе Л. Зурова (роман «Древний путь») // Традиции в русской литературе: межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород, 2009.

Зуров Л. Кадет. Поле. Древний путь // Купол св. Исаакия Далматского / А.И. Куприн; Л.Ф. Зуров. М., 2007.